

изменить мир.

43. Пиар во время чумы.

44. Среди философов, как и среди футболистов, ценится игра головой. И среди них так же есть нападающие, защитники и запасные.

45. Власть любит свой народ. Но, как правило, предохраняется.

46. В прошлом – нет будущего.

47. Когда идешь по проторенным следам, впечатывай свой след глубже.

ВРЕМЯ, ИЛЛЮЗИЯ, НАДЕЖДА (парадоксы и ироничные фразы)

М.А. Малышев

Малышев
Михаил Алексеевич

профессор Автономного университета штата Мехико Мексика, член редколлегии научных журналов «La Colmena», «Coatpec», «Ciencia ergo sum»,

Что такое человек? Мы задаем этот вопрос уже несколько тысячелетий и каждый раз, пытаясь на него ответить, испытываем все большее удивление, смешанное с чувством растерянности и страха.

Человек питает большие иллюзии, связанные с достижением общественного признания, возможно потому, что ему неизвестна цена, которую он должен заплатить за него, а также потому, что не догадывается какой ничтожной и эфемерной может оказаться его будущая слава.

Чувство превосходства, внушаемое сознанием того, что мы ещё живы, помогает нам одерживать верх в споре с тенью своих предков.

Как только обезьяна превратилась в человека, последний избрал каменный топор для охоты на диких животных и немедленно пустил его в ход для убийства своих сородичей.

Каждый человек – это частица вселенной; но он не может существовать, не сознавая себя центром собственного микрокосма.

Смысл жизни изменяется вместе с самой жизнью, и это заставляет зрелого человека смеяться или плакать, вспоминая свои юношеские надежды.

Бытие находится перед нашим взором, но, как и Протей, оно перевоплощается в зависимости от того, *кто, почему и для чего* вопрошает о его смысле.

Золотое правило морали: *не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы они тебе делали*, не подкрепленное угрозой применения силы, отнюдь не гарантирует того, что никто не покусится на твое око и не попытается выбить тебе зуб.

Когда ничто не нарушает спокойного течения нашей жизни, мы испытываем странное предчувствие, что судьба накажет нас за гедонизм беззаботности.

Борьба за существование превращает гамлетовское сомнение «*быть или не быть*» в непоколебимую уверенность – *быть!*

«Против судьбы не попрешь» и «бес попутал» – это самые популярные козлы отпущения.

Время – это волшебник, превращающий гадкого утенка в стройного лебедя; но время это и колдун: он выщипывает перья величественной птицы и делает ее похожей на задрипанную ворону.

Монотонность «бесконечного» пейзажа рождает иллюзию, будто время притворилась вечностью.

Все попытки истории родить вечную справедливость завершались абортом. Будь это иначе, человечество скончалась бы во время родов любимого детища.

Случайность – это взбесившаяся свобода, вводящая нас в рабство непредсказуемости.

По мере приближения к настоящему, лучи светлого будущего постепенно бледнеют, пока не растворяются в тумане разочарования.

Нетерпение – это агония надежды, не утратившая иллюзии увидеть свет в конце туннеля.

Искушение самоубийством – это экзистенциальное сомнение, бросающее вызов приоритету бытия над небытием.

Наши скромные достижения вызывает в нас чувства стыда, когда мы воображаем то, что мы могли бы сделать, но не сделали. Но сослагательное наклонение не всегда делает нас скромными, ибо нас соблазняет надежда: «ещё не поздно это сделать».

«Дай Бог, чтобы завтра было бы не хуже, чем сегодня». Этот скептицизм – плата за крах попытки штурмом прорваться в светлое будущее.

Если бы мы исключили из языка сослагательное наклонение, то, возможно, сберегли бы немало нервной энергии, которую мы тратим на переживание того, что мы не сделали, но могли бы осуществить. Однако с утратой сослагательного наклонения мы потеряли бы стыд и вину.

Когда монета выбора жизненной альтернативы находится в воздухе, случайность на мгновение становится хозяйкой нашей судьбы.

Что такое нетерпение, как не попытка пришпорить «клячу» монотонности ожидания.

Самоирония – это элегантная манера примириться с собственными недостатками, превратив их в милый пустяк.

Если утверждение и отрицание – это проявление «жажды реальности», заставляющей человека торопить наступление будущего, то сомнение – это «замороженное настоящее», «унылое безвременье».

Человек чувствует себя взволнованным, но ему не хватает слов для выражения полноты своих переживаний. Когда он успокаивается, к нему возвращается дар слова, но его эмоции рассеиваются в тумане прошлого, а описание их следов, запечатленных памятью, изменяет значение испытанных переживаний.

Невозможно возлюбить ближнего как самого себя, но можно презирать себя как своего ближнего.

Скука преследует человека, но он проворен: вовремя принимает рюмку и... «убегает» от своего преследователя.

Отними у человека привычку жаловаться, и ты сделаешь его несчастным из-за невозможности дать «выход» переживаниям чувства несправедливости.

Сознание быть достойным счастья есть награда для человека выполнившего свой долг. Но сознание хорошо выполненного долга, увы, не отменяет его желания быть не только достойным счастья, но и наслаждаться его заслуженными плодами.

Могущество зла объясняется тем, что зло – это самый богатый обладатель коллекции масок.

Жизнь – это рутина, время от времени прерываемая печальными вздохами по поводу неудовлетворенных желаний, которые, увы, находятся за пределами наших возможностей.

Человек по-настоящему стал человеком, когда начал испытывать стыд за публичные половые связи, практикуемые антропоидными обезьянами, и превратил секс в интимное отношение.

Смерть – это злая колдунья: она никогда не является нам такой, какой мы её себе представляем. Если бы, умирая, мы не утратили способности к удивлению, то могли бы воскликнуть: «Вот ты оказывается какая..., стерва!»

Если бы принцип справедливости – «каждому свое» – удалось совместить с принципом утилитарной эффективности – «получить максимум возможного при минимальной затрате сил» –, то, не исключено, что общество перестало бы страдать от вопиющего неравенства.

Кто не хочет быть никем, но не утратил желание жить, тот, на худой конец, может стать... обыкновенным «существователем».

Важно возлюбить своих близких, но не менее важно – не причинять зла и дальним, хотя бы потому, что вторых намного больше, чем первых.

Становление – это враг вечности, которую оно выталкивает из этого мира на «тот свет».

Нам неведомо, что сулит будущее, иначе мы не расставались бы так беззаботно со своим прошлым.

Память и надежда – это антиподы мгновения, которое переживает время изнутри настоящего. Однако наше сознание не может сосредоточиться на мгновении и то и дело соскальзывает вовне: к будущему или к прошлому.

Если бы то, чего уже нет могло бы научить нас тому, что еще только будет, то кто из нас посмел бы оспорить древнюю максиму о том, что «история – это учитель жизни».

Вычти из жизни человека все, что вносит в неё культура, и ты превратишь ее в кошмар существования.

Между возможным и невозможным простирается зона вероятного, притягивающая как магнит любителей острых ощущений.

Часть людей умерла своей смертью, другая – от различных напастей, а третья была раздавлена колесами истории.

В зазор, отделяющий намерение от результата, вклинивается непредвиденная случайность, развенчивающая иллюзию возможности полного торжества намерений воли.

Все люди ошибаются, но невезучий ошибается не в подходящее время и не в подходящем месте.

За многими необъяснимыми событиями скрывается не только каприз случайности, но и непроходимая глупость.

Несколько тысячелетий философия пытается объяснить и преобразовать мир. Но теперь становится ясно, что философии не хватало скромности, ибо ее задача состоит в создании разнообразных вариантов мысли по поводу возможности объяснения и преобразования мира.

Территорию парадокса от владений абсурда разделяет тонкая межа инстинкта истины.

Искушение – это надежда, зараженная вирусом неприятного предчувствия.

Умереть собственной смертью – неотчуждаемое право каждого человека, если бы судьба не вставляла палки в колеса его жизни.

Сознание неизбежности смерти сообщает ощущение незначительности как гению, так и ничтожеству. Но если первому эта идея причиняет огорчение, то второй извлекает из нее немало для себя утешение.

На лицах некоторых меланхоликов написано: «Жизнь, возможно, не стоит того, чтобы за неё цепляться, но, с другой стороны, не существует и достаточных оснований для добровольного ухода в небытие».

С точки зрения Чорана, «смерть безнравственна: умирая, мы тянем за собой в могилу весь мир». Но, к счастью, существует «животная вера», которая, согласно Сантаяне, сопротивля-

ется солипсизму смерти. «Да, мы умрем, в этом нет и не должно быть никакого сомнения, как несомненно и то, что мир обойдется и без нас».

С ОБЛЕГЧЕНЬЦЕМ ВАС, «ПРИЛИЧНЫЕ ЛЮДИ»

В.М. Русаков

Русаков
Василий Матвеевич

Известно, что у всякого приличного человека должна быть хоть парочка врагов. Пусть не ядерных, отпетых, а хотя бы так – завалыщеньких.

Золотое правило! Если бы не эта чертова политкорректность и треклятущая толерантность. Из-за них-то вся и морока. Ну как, скажите на милость, в этом вселенском доме терпимости (сиречь толерантности) отличить приличного человека от неприличного? То-то и оно.

А тут еще эти археологи с их находками: открывают, понимаете, пыльный египетский папирус периода Древнего Царства и нате вам, читаем – «Настали теперь тяжелые времена, никто не почитает старших и всякая зараза норовит написать книгу». Вот как. Одно утешает, что лозунг «А кому сейчас легко?», оказывается, был всегда актуален.

И все же, оглядевшись немного по сторонам, мы с облегчением можем обнаружить, что дело не вовсе пропащее.

Есть, есть, оказывается, еще один, хотя бы один враг, которого всякий «приличный» человек (особенно писатель книг, скажем, или сочинитель газетных статей) с совершенно спокойной совестью (извиняемся за неполиткорректное выражение) может зачислить в свой список врагов.

Кто не догадался с первого раза? Ну конечно

– это Карл Маркс. И ведь чем он столь чудовищно удобен: если поскрести по дыроватым сусекам скудного образования нынешнего «приличного» человека, то можно даже обнаружить, что их было целых два! Карл Маркс-Фридрих Энгельс! А наиболее продвинутые юзеры всевозможных «политпорталов» (особенно таких сочно звучащих сегодня, как всякие около-, про- и просто правительственные, – они так и называются gov.ru – ей-ей, это не мы придумали, нам слабо!), сразу же подскажут, что их вообще-то было целых три. Маркс-Энгельс-Ленин.

Вот оно, не было ни копейки, да вдруг алтын! И что еще здесь удобно: в приступе облегченья у «приличного» человека мгновенно проходят спазмы политкорректности и потуги толерантности. Только услышал слово «Маркс» и сразу припечатал им, как ругательством. Так ведь верно и обратное: чуть какой бандитизм-кретинизм приключился, – одним словом, мракс-с, господа, – так мы сразу крепким словом «Маркс!». Можно даже, как народ любит, трехэтажно так, с наворотом: «Эк, Маркс-Энгельс-Ленин, твою!». И снова: облегчение-то какое!

О благотворности мата для облегчения психики современного человека сегодня только ленивые академики не пишут. А если, скажем, женщины и дети где-то рядом и какие-никакие неудобства для облегчения создать могут, то тут-то как раз и годится это: «Ать, Маркс-Энгельс-Ленин, в качель!». И порядок.

О-о, как легко задышал сегодня «приличный» человек, не то, что давеча. Теперь он готов к любой ситуации.

– Почему-то непрерывно разворачиваемая и мордуемая псевдореформами страна никак не может уже в течение жизни целого поколения приподняться хотя бы на корячки, ясное дело: Маркс-Энгельс-Ленин, растак их, довели...